

Крысы

Это был сногшибательный май. Впрочем, как любой другой май в моем городе.

— Зинаида, трам-тарарам! — кричал мой отец на весь двор, то влетая, то вылетая из нашей хибары. — Или ты сейчас вспомнишь, куда ты дела деньги, или я убью тебя, себя и разнесу тут всю улицу к тараканам собачьим!

— Симон, я тебя сколько раз просила, не ругайся при детях, — спокойно отвечала мама, продолжая отглаживать длинный пододеяльник, от которого пахло сыростью.

— Так убери детей, трам-тарарам, отсюда! И сама исчезни, пока я тебя не прибил!

Мой отец кричал так все утро. С тех пор, как не обнаружил в подвале две тысячи рублей — деньги, которые он копил всю свою жизнь и которые срочно ему зачем-то понадобились.

Поймав материн взгляд, я вышла во двор. Хлопнула обшитая кожзаменителем дверь. За ней слышались крики отца и ровные интонации матери.

— Ты понимаешь, меня закопают, если я через неделю бабки не отдам!? Мне руки-ноги поотрывают, и хату нам спалют, и детей заберут! Где бабки, где???

— Я тебе сотый раз объясняю, ты сам положил их в трехлитровый баллон и убрал в подвал. Ты же нашел баллон?

— Но бабок там нет! И крышки нет! Там была крышка! Полиэтиленовая! Кто???. Кто эта крыса???. — надрывался отец.

— У нас никого не бывает, кроме твоих друзей.

Отец внезапно умолк. Задумался. Потом процедил:

— Моя друзья не могли взять мои бабки.

— Значит, деньги найдутся, — резонно заметила мама.

Отец всхлипнул. Я услышала его тяжелые шаги. Грохнула крышка подвала. Оттуда заухали вопли:

— Кто скоммуниздил бабки???. Убью суку!

Я вернулась в комнату. Отец вылез из подвала, вытирая с лысины паутину. Он сел на диван, уставился в крашеный пол и долго-долго еще бормотал:

— Прячь детей, Зинаида. Прячь детей.

Мама по-прежнему гладила длинный пододеяльник.

Весь оставшийся день отец пролежал на диване с мокрой тряпкой на лысине, постанывая и отвернувшись от телевизора, но не разрешая ни переключить, ни сделать потише.

Шел футбол. Отец не оборачивался, даже когда телевизор громко кричал: «Гол!». Он страдал.

Все это было году в девяностом в армянских дворах Краснодара — в запущенном полуфанерном шанхае.

Крикливые низкие дворики лепились к булыжникам трамвайных путей от рынка почти до самого городского вокзала. Трамвай, на котором мама возила

на рынок продавать бабушкины гиацинты, грохотал прямо под нашими окнами. Из тротуара росли отсыревшие бурые ставенки сизых окошек. Скрипели проржавленные еще до войны глухие ворота. Над халупами, спаянными из самана, вагонки, осыпавшихся кирпичей, досок, листов рубероида, жести, шершавого шифера и стекловаты, застрявшей в горле щелей, чернели горбатые акации.

В одной из таких халуп я жила свои первые десять лет. Сидишь дома, замотавшись в колючий свитер маминой вязки, и смотришь, как по обоям красивым узором ползет плесневелая сырость, а если высунешь руку в окно, можно схватить за штанину прохожего или бросить в трамвай высохшего жука.

По сравнению с нашим шанхаем настоящий Шанхай показался бы Сингапуром. Пять семей делили единственный уличный ржавый кран, летом пересыхавший, зимой промерзавший, и единственный туалет во дворе — неустойчивые мостки над червивой дырой, огороженные прогнившими досками.

Но хуже всего были крысы. Крыса — это, наверное, первое, что я помню из детства. Мне тогда был, может быть, год, и мы с мамой вернулись откуда-то, открыли обитую драным кожзаменителем дверь, и вдруг из-под шкафа под старый диван рванула огромная, с половиной тогдашней меня, черная крыса.

По вечерам мама топила дровами скрипучую печку, цедила на улице воду в большое ведро, грела ее на электроплите и, выгнав отца на мороз, мыла нас в желтом тазу. Уложив меня и сестру на нижнюю сетку списанной двухэтажной солдатской кровати с растянутым проволочным матрасом, она подтыкала концы одеяла так, чтоб закрыть нам руки и ноги и, насколько возможно, лицо. Я до сих пор, когда сплю, по привычке прячу лицо.

Соседа нашего именно так ночью цапнула за руку крыса. Ему делали сорок уколов в живот.

Были еще некстати подслушанные разговоры о том, как у других соседей в нашем квартале ребенка прямо в коляске... В общем, крыс я боялась так, как только можно чего-то бояться.

У нас не было отопления, водопровода, кухни и унитаза. Но были соседи с гитарой, и шашлыки во дворе, и чайные розы с жуками, и кленовые листопады.

И мальчик с квартала — черноглазый, как ветки акаций, кудрявый, как гиацинты, веселый, как вся моя жизнь.

Наша улица называлась улицей Гоголя. Лучше не называй.

Каждое утро первой во двор выходила бабка Вартушка — выливать в канаву помой и сживать со свету мою мать.

— Взяли без роду без племени! Еще слава Богу, что деда Ншана Сталин расстрелял! А то бы он сейчас сам застрелился, когда такую невестку увидел!

Мама молча цедила воду в большое ведро.

Вылив помой, бабка Вартушка выносила на общий стол во дворе кастрюлю кислого спаса и командовала всем обедать.

Я вытаскивала из плетеной корзинки зеленые ножницы и садилась за стол. Стол был покрыт драной клеенкой, засиженной мухами.

— Общежитская! — шипела бабка Вартушка. — Куда родители смотрели — сына единственного общежитской отдали!

Сидя в самом углу, я долго кромсала клеенку ножницами под столом.

Как раз в это время визжала жестянка ворот и мир для меня озарялся сиянием радуг: во двор заходил

тот самый мальчик — со своей черноглазой свитой. Он вразвалочку, как положено принцу, прогуливался по щебенке, напевая под нос модное «Бесаме мучо», которое его папа — наркоман со стажем дядь Хачик — пел вчера во дворе так пронзительно, что в конце закашлялся кровью.

Мальчик умел делать «Кия!» как армянский маленький Джеки Чан, воровать по карманам мелочь и смешить меня до истерики. Вечерами он играл на монетки со взрослыми, тринадцатилетними, в фантики от жвачек «Турбо». На фантиках были картинки новеньких иномарок.

Никто не знал тогда, что он первый раз вскроет вену в шестнадцать, через год загремит за угон иномарки и умрет к тридцати все в тех же дворах от СПИДа и туберкулеза.

Но пока мальчик томно фланировал мимо акаций, делая вид, что ему ничего здесь не нужно. Он не знал, что я знала, что он приходил к нам во двор, чтоб смотреть на меня.

Поломавшись с полчаса, мы наконец здоровались и шли вместе к сараю.

Этот крашеный полусгнивший сарай цеплялся к фанерному туалету и уходил змеей куда-то в заброшенную городскую глубь, другим концом вываливаясь на свалку и пустыри. Уже много лет никто никогда в этот сарай не входил.

Никто, кроме дяди Пети, одинокого алкоголика, непонятно как поселившегося в самой маленькой комнатухе армянского гетто. Дядя Петя вошел в сарай предыдущей весной, да так и не вышел.

Помню, я тогда оказалась наказана. После школы я забежала домой, мама с тетей Зузой варили вишневый компот, и я весело крикнула им:

— Эй вы, мудилы, ребенок голодный!

Мама так и застыла с льющимся кипятком.

— Ты где услышала такое слово? — спросила она очень тихо.

— Бабушка Вартуш, когда дядю Петю вчера увозили, сказала: «И где этот старый мудила крюк там нашел?» — испуганно сообщила я.

— Мне стыдно за тебя, — сказала мама и отвернулась. И это был худший способ, которым меня когда-либо наказывали.

Когда приходил этот мальчик, мы всегда с ним тащились к сараю. Сквозь щели в узенькой двери мы видели, что там очень темно, но в глубине, у другого конца, откуда-то льется полосками пыльное солнце. Иногда под лучами нам было видно, как в сарае зловеще шевелятся кучи тлеющего тряпья и на них копошатся, шурша, жирные черные крысы.

Месяцами, годами под этой дверью мы подзуживали друг друга: «Ну, кто смелый, кто может войти в сарай?» Надо ли говорить, что мы знали — никто никогда не войдет.

298 Как уже было сказано, это был сногшибательный май, как все май в моем Краснодаре — жаркий, под сорок, и утонувший в цветах.

В тот день я и мальчик должны были объясниться. У меня были на это причины.

Я не знала, с чего начать. И поэтому начала как обычно:

— Ну давай, заходи в сарай! Боишься?

Он, как обычно, ответил:

— Сама заходи! Сама боишься!

Тогда я неожиданно для себя предложила:

— Ну, хочешь, давай вместе зайдём. Вместе — не страшно!

— Мне и так не страшно! — сплюнул мальчик и свысока посмотрел на свиту.

Я взмолилась:

— Послушай, если мы сейчас в него не зайдем, мы никогда не зайдем!

— Это почему?

И я выдохнула:

— Потому что я переезжаю. В самый конец города, в новый микрорайон. Нам дали квартиру в большом доме возле реки. Там есть туалет, представляешь? И там нет трамвая! Завтра вещи будем собирать.

Отчаянный детский ужас вдруг пронесся в черных глазах, но тут же они подернулись обычной насмешливой поволокой.

— Ну и переезжай! — сказал мальчик. — Нам тоже дадут квартиру. Ладно, ребя, погнажи на гаражи за жерделой!

— Ну подожди! — почти закричала я и стала быстро соображать, что же ему такое сказать, чтобы он остался. И сказала привычное:

— Ты просто боишься зайти в сарай!

— Я боюсь?! — неприятно рассмеялся мальчик. — Да я просто не хочу туда заходить! Делать мне нечего. Я «адидас» запачкаю — мне из Америки крестный привез. Это ты боишься зайти! Сыкуха, сыкуха, сыкуха! — и он стал плевать мне прямо в лицо, выстреливая букву «с», толкая меня к двери сарая. А свита его похрюкивала, как откормленные к Новому году кабачики в бабушкином огороде.

Мой рот мгновенно наполнился солью и что-то колом придвинулось к небу, и стало абсолютно, физически, намертво невозможно не разреветься.

Но разреветься в такой ситуации — это было еще невозможнее.

И я сделала то, что я сделала: залепила мальчику в челюсть пипеточным кулачком, рванула хлипкую дверь, зажмурилась — и вошла в этот сарай.

Никто из мальчиков за мной не побежал. Они остались ждать у дверей. Джеки Чан, оправившись от моего кулачка, только крикнул:

— Что ты делаешь, дура, они же тебя сожрут!

Меня не было минут двадцать. За это время я успела, наверное, десять раз умереть и родиться.

Я стремглав пробежала сарай, подпрыгивая над шевелящимися кучами, и прижалась к тем дальним доскам, в щели которых сочилось предзакатное солнце. Я стояла там, окаменев, очень долго, понимая, что нет такой силы, которая заставит меня вернуться назад — пройти еще раз весь путь по этим визжащим и убегающим кучам.

Но потом даже в этом кошмарном сарае я стала банально скучать. Потянулась за какой-то рогатиной, схватила ее. Крысы меня игнорировали. Обороняться было не от кого. Тогда от скуки я ковырнула рогатиной ближайший хлам. Рваная тряпка легко соскользнула. И вот там, освещенное пыльным лучом, явилось оно.

300 Большое, уютное, аккуратное — крысиное гнездо. Свитое целиком из отцовских червонцев...

Выходя обратно на свет, я даже не посмотрела на этих подсвинков, что ждали меня у сарая. Я их вообще никогда больше в жизни не видела.

Отец мой неделю мыл свои деньги хозяйственным мылом и сушил пылесосом. И все приговаривал:

— Я знал, что крысами в моем доме могли оказаться только крысы!

И тогда же сказал первый раз:

— Не забывай, Margarита, ты — мой единственный сын.

— Ты посмотри! — умилилась бабка Вартушка, слышавшая разговор, как и все разговоры в нашем дворе. — Наш Симончик такой семьянинник — я тэбэ дам!

После чего скомандовала всем доедать кислый спас.

Бабка Вартушка давно умерла, Царство ей там Небесное. Я тоже боюсь умереть. Я боюсь умереть слишком рано. Не успеть все, что надо успеть. Еще больше боюсь никогда не понять, что же именно надо успеть. Я боюсь умереть слишком поздно. Протянуть окончательные, не подлежащие исправлению десять-пятнадцать лет, шарахаясь от болячки к болячке, не глядя вокруг. После такой жизни, какая пока что вылепливается у меня, артритная старость была бы, как если запить званый ужин в мишленовском ресторане: цветы цуккини, фаршированные трюфелями, черепаший суп, суфле из омаров, телячий зоб с артишоками — все это взять и запить рыбьим жиром. Убить послевкусие. Как будто и не было никогда никаких омаров.

Я боюсь.

Но я запрещаю себе бояться. Каждый раз, когда ватное, серое застилает мне душу, я говорю себе: «Ты должна войти в этот сарай. Это не обсуждается, ты просто должна. Да, там крысы, вонючие крысы, но ведь ты человек. Тебя — больше. Пусть тебя не спасет одеяло, и сделают сорок уколов в живот, но в самом конце ты найдешь то, что не смог найти твой отец. Зажмурься — и просто войди».

А мальчики — подождут тебя у дверей.

Содержание

Беламур	5
Вистерия	30
Водоворот.....	81
Лосиное молоко.....	141
Вернисаж	163
Дядь Вачик	190
Черные глаза.....	203
Фиолетовая маргарита	220
Вакцинация	233
Кегецик.....	247
Подсолнухи	259
Бачишь, кума, це нигр!.....	278
Крысы	293